
АРХЕО·ГРАФИКА

№6, май 2017 г. ~ Трудами Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

**Печатная Кормчая
Ипатьевского монастыря
и загадка ее первого
владельца**

Николай Домрачев, 4 курс

**Безымянный Онфим
(детские рисунки из
«Апостола» 1621 года в
контексте истории
Костромской земли)**

Кузьма Жильцов, 4 курс

КНИЖНЫЕ СОКРОВИЩА ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Сдвоенные номера по итогам одной экспедиции – «книжный» и «антропологический» – становятся традицией. Этот номер создан трудами двух молодых археографов, которые не просто научились профессионально описывать старопечатные памятники, но показали себя настоящими исследователями, влюбленными в свое дело. До сих пор мы собирали материалы для своего рода студенческой газеты, но Николай Домрачев и Кузьма Жильцов своими творческими научными работами побуждают нас думать о создании студенческого научно-популярного журнала.

Костромская экспедиция, авторы номера

ПЕЧАТНАЯ КОРМЧАЯ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЗАГАДКА ЕЕ ПЕРВОГО ВЛАДЕЛЬЦА

Второй сезон Костромской археографической экспедиции МГУ (июль 2016 г.) был насыщен событиями. Продолжение работы с книжным собранием Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря на протяжении всех дней было связано с незначительными на первый взгляд, но многочисленными открытиями, которые на поверку оказывались окруженными загадками. Как раз к таким экземплярам «с секретом» относится Печатная Кормчая¹ [Зернова, 248] или «Правило святых апостолов», чье издание завершилось в Москве летом 1653 года.

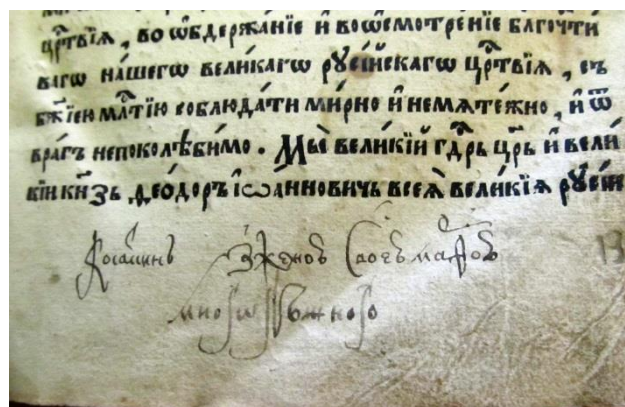
Как известно, издание Печатной Кормчей оказалось делом длительным и вольно или невольно сопряженным с острейшей идеологической борьбой, пожар которой пылал в середине XVII столетия. Кормчая стала в ней главным знаменем и вместе с тем сокрушительным оружием сторонников реформы. Именно поэтому со стороны властей ей уделялось особо пристальное внимание². Последние исследования материалов Приходных книг Приказа книжного и печатного дела позволили внести полную ясность в эту проблему [Белякова, 138]. Издание «Правил святых апостолов» выдержало 4 этапа sprawy, последний из которых окончательно завершился 13 июня 1653 года. Тогда же основная масса экземпляров (1121 книга, учитывая розданные безденежно) поступила в продажу. «Продажная цена книги установлена в 3 рубля» [Белякова, 139-140]. Целевая аудитория Кормчей, между прочим, была определена властями в послесловии к ней: «<...> к научению же и исправлению освященным архиереем, и иереом, и прочим церковным питомником, и всем православным христианом, ко спасению душевному, к согласию же и к соединению благому счинению Церкви <...>» [Кормчая, л. 644]. По наблюдениям исследователей, «спрос на П[ечатную] К[ормчую] был

¹ КМЗ КОК 29433-7.

² В ведущей роли патриарха и церкви в подготовке Печатной Кормчей заставляют усомниться данные распределения безденежных подносных экземпляров. Так подавляющее большинство оказалось в распоряжении светских властей – 20 поднесено царю и 30 передано в Монастырский приказ, тогда как патриарху Никону было вручено только 3 экземпляра [Белякова, 139].

велик. Как показывают листы продаж, в первую очередь покупали Кормчую московские священники» [Белякова, 144]. Как раз таким священником и был наш герой.

Из пяти записей московского священника Силы Герасимова сына Касаткина датирована только последняя, вкладная в Авраамиев Городецкий монастырь. Поэтому его ранняя биография реконструируется и датируется предельно гипотетически. Работа с таким лаконичным материалом вносит в скромный труд археографа пыльную романтику археологических раскопок, ведь перед археологом лежит такой же скудный набор фактов, по которым нужно восстановить молчащее прошлое. Равным образом и Сила Касаткин оставил всего несколько штрихов, опираясь на которые с привлечением массы косвенных данных можно попытаться широкими мазками дорисовать утраченную картинку эпизода русской истории.

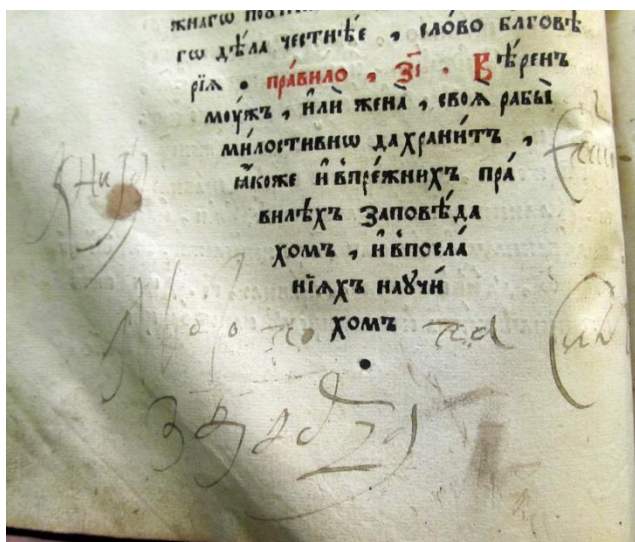

Георгиевский поп

Итак, самая ранняя запись гласит: «Сия душе-спасительная святая книга, глаголемая Правил-ом святых апостолов и святых отец, много-грешнаго раба Георгиевского попа Силы Гера-симова сына Попова, что на Варварском конце» [Кормчая, 1 1-го сч. – 19 2-го сч.]. На этом первый островок фактов заканчивается, и начинается зыбкая почва реконструкции.

Георгиевская церковь на Псковской горке, погоревшая в одном из многочисленных московских пожаров в начале 1630-х, была отстроена в 1658 г. [Шокарев, 69]. Ее по-посадски богатый пятиглавый силуэт и сегодня с улицы Варварки встречает заблудившихся в поисках Кремля туристов. Это была одна из первых построек в Москве после знаменитого соборного постановления 1656 г. о запрещении строительства шатровых церквей. Главный престол храма был посвящен Покрову Пресвятой Богородицы, по-

этому можно предположить, что освящение храма состоялось в начале октября 1658 г. Соответственно потомственный священник, попович Сила, вероятнее всего, тогда же был включен в клир новоосвященной церкви. В то же время им и была приобретена книга «Правил святых апостолов» за означенные три рубля. Напомним, что Печатный двор продавал книги «в тетрадах», то есть без переплета. Его установка производилась по заказу владельца за отдельную плату. В зависимости от сложности работы, он мог обойтись владельцу от 13 алтын (40 коп.) до рубля и более [Поздеева, 1]. Покупка книги в период с июня 1653 г. по октябрь 1658 г. исключается. Особенностью попа Силы Касаткина является скрупулезная фиксация любых изменений своего статуса и соответствующее обновление владельческих записей.

Три рубля – немалые деньги для середины XVII в. Например, на них можно было купить 15 дойных коров, или 25 фунтов перца (10, 25 кг), либо 7 ведер (84 л, 116 бутылок) рейнского вина; годовой оклад приказного дьяка, к примеру, составлял 10-15 рублей [Опись и продажа, 17, 19, 31]. Нужно учесть, что к концу 1650-х гг. рубль начал свое стремительное обесценивание из-за выпуска медных денег ради финансирования Русско-Польской войны. В 1654 г. по Москве пронеслось смертельным вихрем «морвое поветрие» – чума, унесшая жизни двух третей жителей столицы [Шокарев, 264]. После такого демографического удара приходская община оказалась серьезно ослаблена. Тем более характер записей Силы Герасимова сына не оставляет сомнений – Кормчая принадлежала ему лично, а не Георгиевскому приходу.

В свете этих рассуждений вопрос, откуда у простого попа нашлись такие деньги, встает еще острее. Не нужно забывать, чума имела и обратную сторону. Более всего в это страшное время были востребованы священники, на плечи которых ложились заботы о спасении душ тех, чьи тела стояли уже одной ногой в могиле. Каждый христианин, чувствуя приближение страшного конца своих дней, старался обеспечить себе достойный конец – принять соборование и святое причастие, и быть отпетым после кончины. «Многие, считая свою жизнь конченной, приняли монашество, а позднее, когда чума прошла, вернулись обратно в мир» [Шокарев, 262].

У московского священника было много работы. Не все остались на своих местах, многие бежали из зараженного города вместе с населением дальше на север и на восток, становясь всадниками апокалипсиса для новых и новых русских городов. «В 1655 году эпидемия охватила Нижнее и Среднее Поволжье, в 1657-м распространилась по Вятке, а затем вновь вернулась в низовья Волги. Общее число умерших от чумы в России составило примерно 300 тыс. человек» [Шокарев, 265]. Но повышенного «спроса» на услуги священников было недостаточно, нужно было еще личное мужество, храбрость, верность своему христианскому долгу и непостижимая разумом уверенность в собственной неуязвимости к мору, уверенность в своем божественном призвании на это служение, глубокое осознание личного провиденциального долга. Несомненно, этими качествами мог обладать Сила Герасимов сын Попов, оставшийся в зараженном городе. Среди стонов и трупов, в темных заколоченных домах, вероятно, без устали повторяя слова 90-го псалма – «Не придет к Тебе зло: и рана не приблизится телеси твоему. Яко ангеломъ Своимъ заповесь о Тебе сохрани ти во всехъ путехъ твоихъ» [Пс. 90:10-11] – он спасал человеческие души.

Его труды не прошли даром. Основой существования священника в Допетровской России традиционно было совершение всевозможных треб, за которые он получал положенное вознаграждение. Переворачивая истлевшие от времени страницы первых печатных Требников, можно с удивлением обнаружить, что сакрализация окутывала абсолютно все сферы жизни человека и общества, начиная от зачатия и заканчивая панихидой за упокой души, начиная от рытья колодца и заканчивая закладкой града или монастыря. Кроме этого в некоторых церквях прихожане назначали причту «ругу» – некоторое установленное содержание, но это явление не было широко распространенным [Уланов, 72]. В

условиях бедствия, особенно такого страшного как мор, люди с особым трепетом начинали относиться к священнодействиям, видя в Господе последнюю надежду на спасение. По этой причине многочисленные службы об избавлении от чумы, соборования и причащения больных на дому, отпевание умерших щедро оплачивалось еще живыми. Кроме того, государство оплачивало услуги священников при погребении мертвых в братских могилах. Эта традиция уходит корнями еще во времена Дмитрия Донского, который распорядился давать «от 40 мъртвецъ по полтине, а от 80 по рублю» [Памятники, 204]. Мор, с большой вероятностью, стал основой благосостояния отважного попа Силы.

По всей видимости, мор сблизил Силу Герасимова сына с обществом Варварки. Познакомимся с ее населением поближе. В районе Варьской улицы еще в начале XVI в. поселили псковских купцов и ремесленников, отсюда берет начало значение этого района как торгово-ремесленного центра Москвы. Постепенно ремесленники были переселены подальше от центра, в Замоскворечье или в Земляной город, что сделало Варьскую улицу сосредоточением купеческого населения. «Район Варьской улицы и Подола, примыкавший к городскому торгу был очень оживленным в Москве. Там помещались гостиные дворы и дома крупных московских купцов. <...> Московский торг в XVII в. помещался у Красной площади, в начале Варварки, Ильинки и Никольской. Но расширение его в сторону Никольской – дело относительно позднего времени, основной же нерв торговой жизни сосредотачивался в районе Варварской, или Варьской, улицы. В отличие от других московских рынков, этот основной торговый центр города назывался "великим торгом". Здесь в XVII в. между Ильинкой и Варваркой стоял "Гостиный двор". <...> Здесь же, "на Варварском крестыце, против Гостина двора", находился Старый Денежный Двор» [Тихомиров, 108]. Таким образом, Сила Герасимов сын оказался в среде сильного московского купечества.

Уцелевшие после чумы купцы Варварского конца, вероятно, решили в благодарность Богу за избавление от эпидемии поставить каменный храм, один из приделов которого будет посвящен Великому мученику Георгию. Согласно житию, он избавил царскую дочь от чудовищного змия, одолев его. Не со змием ли ассоциировалась в сознании средневекового человека чума? Так или иначе, в 1657 году начинается строительство храма на Псковской горке, где в будущем будет служить Сила Герасимов сын. Возможно, он во время эпидемии чаще всего навещал этот район,

помогая купеческим домочадцам с миром отойти в иной мир. Не поэтому ли, когда пришло время освящения храма, община избрала его быть «Георгиевским попом»?

Георгиевская церковь на Псковской горке
Худ. С. Круглова

Чума начала отступать в октябре 1654 г. [Шокарев, 264], с первыми похолоданиями. Но знакомому с болезнью попу в Москве еще долго можно было найти применение. «Москва еще долго приходила в себя после страшной эпидемии. В 1657 году по царскому приказу была составлена перепись церковных земель, чтобы огородить и закрыть для дальнейшего использования кладбища кремлевских и иных церквей, а также стихийные братские могилы умерших от чумы. Из переписи явствует, что даже Красная площадь стала местом погребения жертв эпидемии. По всей Москве церковные кладбища были "тесны", "проезжих мест" на них не было. Под новые погосты было приказано отчуждать дворы причетников» [Шокарев, 264-265]. Хотя, скорее всего, в этот период его деятельность начинает уверенно связываться с «Варварским концом» и будущим храмом св. Георгия.

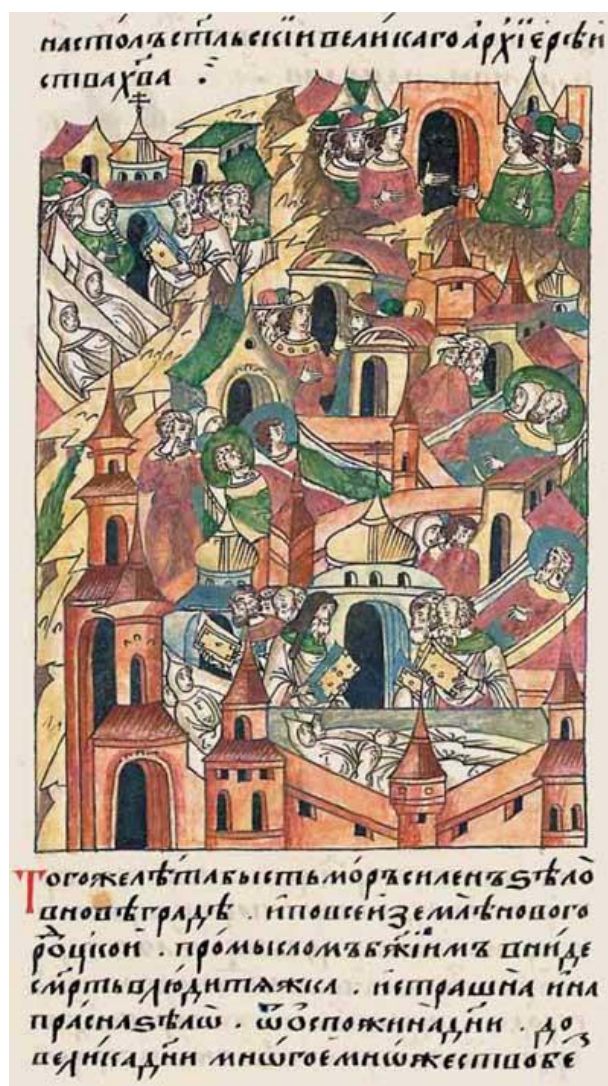
К этому времени поп Сила был немолодым, опытным и образованным человеком. «Канонический возраст рукоположения в священнический сан – не ранее тридцати лет» [Володихин, 12], таким образом, к 1658 г. Сила уверенно приближался к сорока. О его происхождении известно лишь, что он был из семьи священника Герасима. Был ли он москвичом или пришел в столицу в поисках заработка и места сказать трудно – все карты историку спутала чума. Если допустить, что поп Герасим мог служить во временном Покровском храме на Псковской горке, созданном на месте сгоревшего и замененном расширенным каменным в 1658 г., то тогда Сила, согласно скла-

дывающейся в XVII в. практике, наследовал бы главный придел и назывался бы «Покровским попом». Но так как он именует себя «Георгиевским», то вероятнее, он был избран приходской общиной «придельным» попом в новый Георгиевский придел Покровского храма. В этой связи можно говорить лишь о «не-Варварском» происхождении Силы Попова. Конкретнее сказать не представляется возможным.

Возможно, он родился летом в начале 1620-х, незадолго перед памятью св. ап. Силы (30 июля). Нельзя исключать, что его память о его святом покровителе и определила его судьбу. Апостол Сила был из числа 70-ти, был тесно связан с апостолом Павлом. Он был поставлен епископом г. Коринфа, где совершил многочисленные чудеса. Вспоминая этот образ, Сила Герасимов сын невольно задумывался и о своей судьбе, размышлял над Промыслом Божиим. Возможно, образ апостола вдохновил его на бесстрашное служение Господу в дни мора, когда он осознал свое предназначение и почувствовал покровительство и защиту свыше. Не пострадав от чумы, Сила, по-видимому, еще более укрепился в своих чувствах, уверился в своем апостольском призвании. Он стал внимательнее прислушиваться к событиям, давно будораживших московских священнослужителей и мирян – к спорам о церковной реформе.

В этой сфере, вероятно, и лежит ответ на вопрос, зачем приходскому священнику понадобилась Кормчая в личное владение? Возможно, Сила Попов получил домашнее образование, дополненное каким-то самостоятельным чтением. Впрочем, он не стал «профессиональным» книжником, у него не выработалось культуры вдумчивого чтения, диалога с книгой. Ипатьевская Кормчая не содержит маргиналий, относящихся к эпохе попа Силы. На ее страницах он фиксировал только изменения своего статуса. Тут не обошлось без влияния «морового поветрия» на впечатлительную натуру «Георгиевского попа». «Эпидемия вызвала разброд и шатания в умах москвичей – одни ополчились против Никона за исправление печатных книг, другие рассказывали о посещавших их видениях» [Шокарев, 262]. Посетив, по-видимому, многих людей в качестве исповедника и соборующего, Сила многократно сталкивался хулой на книжную справу и патриарха. Нередко, крепко выбравив церковных начальников, больной в агонии испускал дух прямо на руках у священника. Это раз за разом убеждало Силу Герасимова сына в обратном – чума послана

Богом в назидание ослушникам патриаршей воли, в наказание хулителям Церкви.

Сцена чумных дней в Москве. 14 в.
Миниатюра Лицевого Свода

Развивая собственные мысли о некоем Божественном предназначении, и снова и снова прокручивая в голове житие своего духовного патрона, Сила все яснее осознавал необходимость собственного «апостольского» служения, чтобы донести заблудшим «овцам стада Христова» истинное значение реформы, обезопасить паству в будущем от новой кары Божьей, новой «моровой язвы». Для этого ему необходимо было обзавестись главным знаменем и сокрушительным оружием сторонников реформы – «Никонской» Печатной Кормчей.

Полемический задор «Георгиевского попа», вероятно, находил выход не только в проповедях, хотя, несомненно, его популярность среди паствы быстро росла. Еще с первого года церковной реформы ее главные противники оказались в заключении. Со временем количество

подобных «политических» арестов, предусмотренных ст. 6 гл. 1 Соборного Уложения, все росло. В этой связи пришло время еще раз обратиться к Георгиевской церкви. «Еще один храм – Святого Георгия располагался на Псковской горке. <...> Его местоположение могли определять иначе: "на Варварском крестце у тюрем". Тюрьма находилась у Варварских ворот Китай-города. <...> Тюрьма у Варварских ворот находилась внутри "града", но и за городской стеной "Петров чертеж" отмечает еще один острог, который именуется "Бражник" или "тюрьмы для пьяниц» [Шокарев, 71]. Несомненно, частым посетителем этих застенков мог быть поп Сила Герасимов сын, приходивший к заключенным с назидательной проповедью, вразумляя их и обличая их «еретические» речи против реформы и властей. Во всяком случае, намек на содержание в тюрьмах у Варварских ворот политических преступников можно найти у С.М. Соловьева. «Посланный не понял, о каком Зачатейском монастыре говорит патриарх, и спросил объяснения; Никон отвечал: "Тот, что на Варварском Крестце под горою у Зачатия". "Ведь там только тюрьма большая, а не монастырь», – возразил посланный. "Ну вот этот самый и Зачатейский монастырь", – отвечал Никон» [Соловьев, 187]. И Кормчая, содержащая помимо догматических разъяснений множество вполне конкретных бытовых норм и постановлений, служила ему серьезным подспорьем в его «апостольской» миссии.

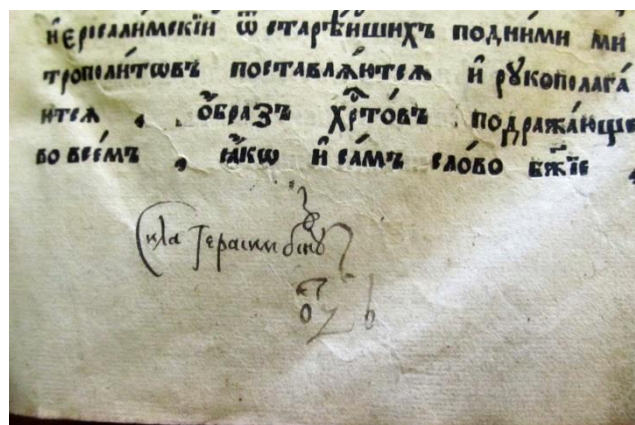
О семье самого Силы известно немного. Во вкладной записи в Авраамиев монастырь упоминается его жена Марфа, в другой записи есть упоминание его сына Семена. Впрочем, у протоиерея Н. Скворцова среди около 900 ставленных записей по Московской епархии есть одна, позволяющая предположить, что у Силы Попова был как минимум еще один сын. «В 14 день [1659 – Н.Д.] диаконская Афанасию Силину сыну к Николе Чудотворцу Божедомному; поставил во диаконы епископ Вятский и Великопермский Александр» [Скворцов, 54].

Таким можно представить попа Георгиевской церкви на Варварской улице Силу Герасимова сына Попова на первом этапе его служения. Он сразу проявил в себе качества незаурядной личности, ощутив на себе перст Божественного предназначения. Его бесстрашие, мужество, острый ум и полемический задор снискали ему добрую славу и позволили ему начать хорошую, головокружительную карьеру. Не будет преувели-

чением сказать, что Силу сделала чума, и чуме он обязан своим успехом.

На Дворе у государя

Следующим этапом жизненного пути попа Силы Герасимова сына стало его стремительное вхождение в средоточие власти всего Русского государства – в царский дворец. Две записи на страницах Ипатьевской Кормчей свидетельствуют об этом. «Книга Спасского протопопа Силы з Дворца» [Кормчая, л 26 об. 3-го сч.], и «Спасского протопопа Силы Герасимова [сына Касаткина], что на Двору у государя» [Кормчая, л 521-525 3-го сч.]. Верхняя граница подобного превращения продолжает определяться вкладной записью в Авраамиев Городецкий монастырь – 1665 г., соответственно пожалование Георгиевского попа Силы саном протоиерея и перевод на государев двор могли состояться между 1658 и 1665 гг.

Наиболее вероятная дата этого события – лето 1663 г. и вот по какой причине. Среди необъятной литературы по русской истории, изданной до революции, есть небольшая, но необычная книга протоиерея Н.А. Скворцова, лаконично озаглавленная «Духовенство московской епархии в XVII в. (На рукописных источниках)». В ней среди прочего опубликованы «черновые записи о выдаче ставленных и иных грамот» по материалам одной из епархиальных Приходных книг [Скворцов, 1]. В августе – сентябре 1663 г. зафиксированы рукоположения «Венедикта Григорьева сына к церкви Покрова Пресвятой Богородицы и Великомученика Георгия на Москве на Варварском крестце» [Скворцов, 80] и «Иоанна Григорьева сына в церкви Всемиловитова Спаса Преображения в собор у государя на дворце» [Скворцов, 81]. Поставление Венедикта попом в Георгиевскую церковь можно объяснить воспол-

нением штатов после перевода Силы на государев Двор.

Собор Спаса Преображения на Бору в Кремле

Собор Спаса Преображения, известный как Собор Спаса на Бору, является одним из древнейших московских соборов. В далекие времена «собрания русской земли» он был кафедральным собором одноименного монастыря, но после перенесения последнего волею Ивана III на новое место храм остался при государевом дворе в новом, приходском статусе. По описи 1631 г. в нем зафиксировано 5 приделов. «При них священно- и церковнослужители состояли на государевом жаловании. Из записки о царском дворе 1610–1613 годов видно, что "в церкви Преображения на дворце служит протопоп; весь дворец, ключники, и стряпчие, и сытники, и приспешники, и повары тут приходят, и рано для них служба живет, чтобы отправаться, шли всяк на свой приспех к царскому столу готовить"» [Мартынов, 82-83]. Таким образом, после постройки в 1630-е гг. домовых церквей «у государя вверху на сених» [Скворцов, 80], статус Спаса на Бору окончательно понижается до храма государевой прислуги, высокие особы посещали его только на престольный праздник Преображения, когда в нем совершалась патриаршая литургия. Но место настоятеля собора, расположенного на государевом дворе и фактически являющегося «вотчинным» по отношению к царю, было более престижным и обеспечивало стабильный доход.

Ставленные записи, опубликованные протоиереем Н. Скворцовым, имеют необычную особенность. Летом-осенью 1663 г. произошло больше, чем обычно, дьяконских и священнических хиротоний в храмах Кремля [Скворцов, 80-81].

В этой связи стоит вспомнить, что с 1659 г. тянулся долгий и тяжелый спор между царем и патриархом. Это был не только обмен письмами, полными взаимных упреков. Почти сразу раз-

молвка между «государями»³ переросла в череду «тяжб». 17 февраля 1660 г. царем был созван собор, которому требовалось вынести приговор патриарху, обвиняемому многочисленными свидетелями в «отречении от патриаршества своего с клятвою» [Соловьев, 241]. Но столкнувшись с угрозой проблемы двух патриархов, собор умолк в нерешительности. Дальнейшие события, как считает С.М. Соловьев, спровоцировал сам Никон. В 1661 г. он спровоцировал ставшую затяжной тяжбу Новоиерусалимского монастыря с окольным Р. Бабарыкиным из-за монастырских угодий. В конце 1662 г. царь Алексей Михайлович инициировал масштабную проверку его деятельности в качестве патриарха. «Собрание вин» было приурочено к назначенному тогда же Поместному собору, приглашение на который государь не замедлил разослать предстоятелям восточных церквей [Соловьев, 250]. В 1663 г. началось еще одно дело по владениям патриаршего Воскресенского монастыря. Некий дворянин И. Сытин подал челобитную, в которой обвинял Никона, «что патриарх его крестьян пыткой пытал, а иных перевешал» [Соловьев, 258].

Таким образом, к лету 1663 г. опальный патриарх был «обложен» тремя скандальными делами экономического характера. Наиболее серьезным было следствие по поводу его деятельности. Вероятно, в этой связи начавшиеся дознания коснулись части кремлевского духовенства, крепче всех осведомленного и, отчасти, несомненно, вовлеченного в дела Никона. Закономерным итогом расследования стало смещение и наказание части ближнего к царю духовенства по обвинению в хищениях, или недоносительстве о хищениях, или в иных подобных деяниях, предусмотренных статьями Соборного Уложения. Не исключено, что эти меры в первую очередь затронули ставленников самого Никона. В конечном итоге это и освободило вакантные места в придворных соборах, куда ближайшее окружение царя не преминуло поместить своих людей.

Вероятно, в наличии особого патроната со стороны ближних к государю думных чинов и кроется разгадка столь высокого взлета мужественного и даровитого попа. Сложно с какой-либо достоверностью предположить, кто из государевых царедворцев мог оказать протек-

³ Титул патриарха «Московского и всеа Руси», вплоть до замены этого института Правительствующим Синодом, неизменно включал в себя слово «государь».

цию Георгиевскому попу. Однако, отдельные факты позволяют пунктирно наметить возможный вариант развития событий.

На Варварской улице среди торговых рядов и купеческих домов находились также немногочисленные усадьбы некоторых представителей московской аристократии. Одним из таких людей был Иван Андреевич Милославский, в то время уже боярин, член Ближней Думы, троюродный брат тестя царя Ильи Даниловича Милославского. Последний был главный проводником финансовой политики, «прославившейся» попыткой ввести в оборот медную монету. Как известно, такая политика привела к сильнейшей инфляции и разорению большинства горожан по всей европейской России. Милославские не гнушались мздой, за которую они охотно предоставляли «челобитчику» некоторые фискальные послабления или закрывали глаза на подделку государевой меди. На Варварке, в паре переулков от Георгиевского храма располагался еще со времен Иоанна Грозного Английский двор. Воспользовавшись разразившейся в Англии революцией, Алексей Михайлович изгнал из Москвы английских купцов, лишив их привилегий и имущества. «Конфискованный Английский двор был выкуплен боярином Иваном Андреевичем Милославским, а после его смерти вновь отошел в казну» [Шокарев, 66].

Не исключено, что купеческая корпорация Варварской улицы вынуждена была пользоваться своим соседством, чтобы обеспечить себе определенную финансовую стабильность путем послаблений. Это могло привести к складыванию тесных связей варварского купечества и клана Милославских, что, естественно, сблизало с ними и полюбившегося торговым людям попа Силу. Возможно, развивая свои проповеди, георгиевский поп все больше склонялся на сторону царя, постепенно дистанцируясь от патриарха. Это не исключает его возможной последовательности и задора в отстаивании реформы. События лета 1662 года, известные как Медный бунт, пошатнули позиции Милославских при дворе, однако расположение Алексея Михайловича к родне своей жены продолжало оставаться благоприятным, хотя он четко осознавал бесперспективность проводимой ими политики. В их тени начинает подниматься плеяда новых царских фаворитов. Но на 1663 г. нет оснований видеть Милославских в опале. В этой связи они могли оказать протекцию хорошо известному им попу, который своими взглядами мог бы оказаться полезен царю, превратившись из «апосто-

ла» и увещателя заключенных в пастыря умов дворцовых слуг.

Сила, получив назначение, старательно фиксирует это на страницах своей Печатной Кормчей. Более того, он, вероятно с упоением наслаждается своим новым статусом, раз его не удовлетворила новая краткая владельческая запись, и он старательно переписал ее, скрупулезно подчеркнув все детали своего нового места службы. Наконец, в этот период, с 1663 по 1665 г. произошло еще одно событие, на сей раз семейного плана. Сила благословляет Кормчей своего сына Семена. «Спасский протопоп Сила сына своего Семена благословил ю» [Кормчая, л. 18 1-го сч.]. Кроме того, Сила сменяет себе фамилию. С этих пор он перестает называть себя «Поповым» и устойчиво пишется «Косаткиным».

Москва–Чухлома

Авраамиев Покровский Городецкий Монастырь

Последней записью, принадлежавшей руке Силы Герасимова сына Касаткина была уже не раз упомянутая вкладная в Авраамиев городецкий Монастырь в г. Чухломе. «Лета 7174 [1665 – Н.Д.] году сентября в 5-й день при игумене Макарии дал сию книгу, глаголемую Правила святых апостол и святых отец, с Москвы Спасской протопоп Сила Герасимов сыну Косаткин з женою своею Марфою в дом Пресвятая Богородицы и преподобного Авраамия Чюдотворца в Городецкой монастырь, в сенодикы написал для вечного поминку, и тоя книги из дому Пресвятая Богородицы и преподобнаго Авраамия Чюдотворца не отдать никуда» [Кормчая, л. 1-19 1-го сч.]. На этом заканчиваются сведения о попе Силе и его интересной судьбе. Но в деле необходимо поставить хотя бы многоточие, и объяснить такое экстраординарное событие, как вклад в удаленный монастырь.

Монастырь был основан, по преданию, еще в XIV в. Авраамием Галицким, учеником преподобного

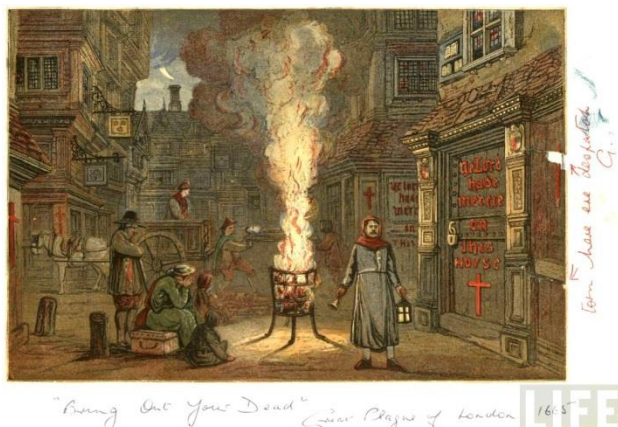
Сергия. Царь Василий Шуйский уделил особое внимание далекой обители, начав финансировать строительство каменного собора, но не успел довести дело до конца. Лишь с 1630-х гг. Романовы озаботились судьбой монастыря. С этого времени, находясь под их заботливой рукой, обитель начала обрастать каменными постройками. К середине XVII в. монастырь уже обладал двумя каменными храмами, и к середине 1660-х гг. развернулось строительство третьего – «увенчанный тремя шатрами двухэтажный собор в честь Рождества Христова». Царский двор активно помогал монастырю, обеспечивая его через Монастырский приказ богослужебными книгами, опечатанными на Печатном Дворе и снабженными вкладной надписью от имени государя.

Но какое отношение к монастырю имели Сила и его семья? Ответ на этот вопрос снова лежит в мире гипотез и предположений. Трудно себе представить, чтобы попович из далекого лесного края смог так высоко закрепиться в Москве, впрочем, в то время все было возможно, главное необходимы были подходящие связи. Ведь смогли же незнатные дворяне с окраинных российских уездов, А.Л. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев, достичь вершин власти, стать вторыми людьми в государстве, получив от современных историков нелестное клеймо «временщиков»!

Вторая версия – протопоп Сила, пытаясь утвердиться при дворе и заручиться большим уважением царя, как типичный придворный, начал принимать активное участие в одном из романовских проектов – устройстве Авраамиевой обители. Для этого он послал в далекий монастырь, возможно, самое дорогое, что у него было – трехрублевую Печатную Кормчую, которая, безусловно, была необходима для организации монашеской жизни по новым, реформированным правилам. Возможно, очутившись в придворной среде, среде предсоборной, когда в Москву съезжались делегаты со всего православного мира, Сила уже не ощущал необходимости иметь при себе книгу церковных правил. Ему вполне было достаточно общения с образованными клириками, чтобы уяснить для себя волнующие проблемы.

Наконец, третья версия – версия политическая. Не нужно забывать, что Сила, по всей вероятности, получивший место Спаского протопopa благодаря патронату приближенных к государю аристократов, был сильно зависим от расстановки сил на придворной арене. Именно 1665 год стал переломным в этом смысле. Он ознаменовал начало «незнатного десятилетия», года высшие посты в Русском государстве занимали вы-

ходцы из бедного дворянства, А.Л. Ордин-Нащокин, Б.М. Хитрово, затем – А.С. Матвеев. Позиции прежних царедворцев стали колебаться, соответственно их клиента, чувствуя опасность, начинала реагировать. Возможно, Сила, переживший чуму, решил снова положиться на волю Божию и обезопасить свою судьбу ценным вкладом. Впрочем, это не объясняет выбора удаленного Авраамиева монастыря.

"Bring out your Dead" Great Plague of London 1665

*Призывы помощи Божией на домах Лондона
Великая чума. 1665 г.*

Стоит добавить, что вклад был совершен на 5 сентября, день, когда церковь празднует память Захарии и Елизаветы, родителей Иоанна Крестителя. К сожалению, за недостатком данных не представляется возможным установить значение этого дня для семьи попа Силы. Возможно также, что дата эта была выбрана им случайно.

Итак, в данной статье была сделана попытка раскрыть образ доселе неизвестного биографа человека XVII в., священника с непростой и загадочной судьбой. Несмотря на полную гипотетичность предлагаемой реконструкции, работа достигла главной цели. Было показано, как, имея ограниченную информацию источника, с привлечением обширного исторического контекста, точно локализованного и хронологически привязанного, возможно расширить пространство между строк и заглянуть в молчаливый мир прошлого, чтобы рассмотреть там хотя бы тень человека, человека не великого, но уж точно и не «маленького». Судьба Силы Косаткина до сих пор остается туманной, впрочем, ясно, что он сыграл свою роль в истории. Нет, он не был ее творцом, но и не желал пассивно переносить удары судьбы. Сила – яркий пример пользователя, типа личности, не создающего историю, но активно использующего мир вокруг себя в своих интересах. Впрочем, он еще ждет своего дотошного исследователя.

Литература

1. Белякова Е.В. К вопросу о первом издании Кормчей книги // Вестник церковной истории, 2006. № 1.
2. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015.
3. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв. М., 1958
4. Кормчая. М.: Печатный двор, 15.06.1653 (07.11.7158–15.06.7161). Алексей; Никон.
5. Мартынов А.А. Снегирев И. М. Спас на Бору в Московском Кремле. // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Т. I. М., 1848.
6. Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850.
7. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981.
8. Скворцов Н.А. (прот.) Духовенство московской епархии в XVII в. (На рукописных источниках). М., 1916.
9. Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти томах. Кн. 6: История России с древнейших времен. Т. 11-12. / Отв. ред.: Иванов Н.А. – М.: Голос, 1995.
10. Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. М., 2003.
11. Уланов В.Я. Московское духовенство в XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 5. М., 1910.
12. Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012.

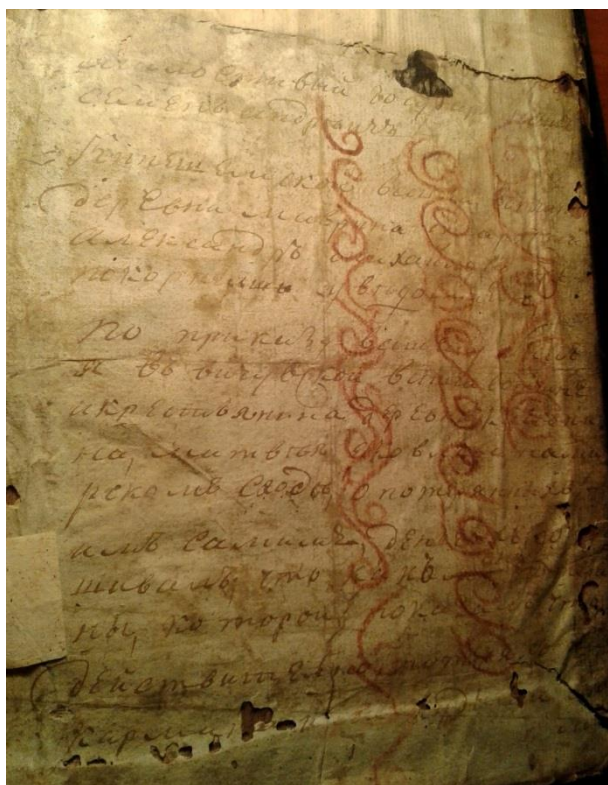
Николай Домрачев, 4 курс

БЕЗЫМЯННЫЙ ОНФИМ (детские рисунки из «Апостола» 1621 г. в контексте истории Костромской земли)

Среди богатого книжного собрания Ипатьевского монастыря Апостол 1621 года (инвентарный номер: КМЗ КОК 26659–10) занимает особое место. Но не благодаря богатому окладу или записи, оставленной рукой именитого владельца. Особенность этого экземпляра – в разбросанных по книге рисунках человеческих лиц и фигур (л. 127, 127 об., 152 об., 211 об., 225 об.). Их автор не оставил своего имени, но с первого взгляда понятно, что это ребёнок (живо напоминающий известного по берестяным грамотам новгородского мальчика Онфима). Его руке также принадлежит ряд записей и проб пера, зачастую неразборчивых. Часть из них копирует фрагменты печатного текста: «[П]авель звань» (л. 127 об.), «Павель посланникъ І<исус>с Х<ристо>воъ (!) в[о]лею» (л. 225 об.); другая часть представляет собой фрагменты псалмов: «помилуй мя боже по велицеи милости тв[о]еи и по милости (...)» (л. 216 об.), «возвеселится прав[е]дникъ о Господе и уповае[т]ъ на него» (л. 258 об.). Первый вопрос, закономерно вставший перед нами, заключался в определении времени создания этих записей и рисунков. Однако особенности детского почерка таковы, что их чрезвычайно сложно точно датировать. Вероятно, эта проблема так и не была бы удовлетворительно разрешена, если бы не то обстоятельство, что запись на л. 258 об. частично заходит под подклейку вержированной бумагой, схожей с бумагой фабрики Демидова Мещанинова (близко: *Клепиков*. № 845 – 1782–1783, Костромская губ.), использовавшейся при реставрации книги в ряде других мест. Так, во многом случайно, был получен *terminus ante quem* – начало 1780-х гг.

Попытаемся подтвердить подобную датировку иным способом. Было подмечено, что в ряде мест (л. 127 об., 211 об. и 225 об.) записи и рисунки обрезаны по краю, а значит, они были сделаны до установки переплёта. Последний можно датировать по обклейке крышек. В нашем случае это двойные листы белой (нижний слой) и голубой (верхний слой) вержированной бумаги. Внешний облик верхнего слоя обклейки говорит в пользу рубежа XVIII–XIX вв., однако эту датировку можно ещё более сузить.

Благо, для обклейки нижней крышки переплёта был взят уже использованный лист. Приведём написанный на нём текст полностью: «[Ваше] Выс[ок]облагородіе милостивый государь нашъ Семень Андрѣичъ. Кинешемского вашей вотчин[ы] деревни Маврина староста Александръ Михайловъ аже покорнейши увѣдомляетъ, по приказу вашему былъ я въ вичувской вашей вотчине и крестьянина деревни Клевопина, Матвѣя Яковлева, на мирскомъ сходѣ, о потерянныхъ имъ самимъ, деньгахъ до[пр]ашиваль, что какъ они [исправлено из «онъ»] потеряны, которой показаль что действительно потеряль изъ карма[на] или худыми людьми...».

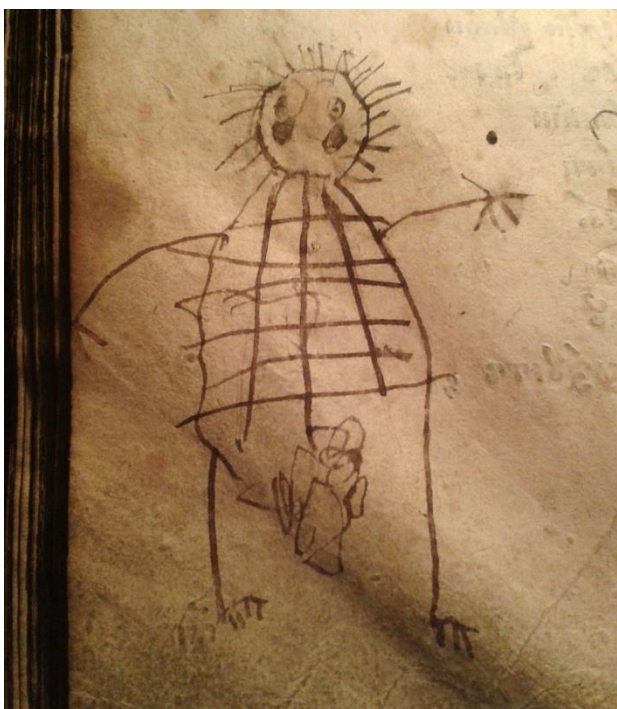

Для начала разберёмся с упомянутыми в тексте населёнными пунктами. Маврино до революции относилось к Горковской волости Кинешемского уезда, в советское время деревня обезлюдела, и ныне это урочище в 4-5 км от юго-восточной окраины Кинешмы в верховьях р. Томны. Клеопино (в тексте «Клевопино») входило в состав Вичугской волости того же уезда и располагалось на дороге из Кинешмы в Шую в непосредственной близости от Вичуги (современный посёлок Старая Вичуга). Теперь остаётся выяснить владельцев этих деревень. Обратимся к опубликованным редакционными комиссиями накануне крестьянской реформы 1861 г. сведениям о крупнейших помещиках страны: в это время Клеопино принадлежало

Сергею Владимировичу Маркову, а Маврино – Анне Семёновне Бартеневой (*Сведения*, с. 26, 30). Отцом последней, судя по данным «Родословного сборника русских дворянских фамилий» (*Руммель & Голубцов*, с. 135) и «Русского провинциального некрополя» (*Шереметевский*, с. 70), был секунд-майор Семён Андреевич Бартенев (1766 или 1768–1832). Он принадлежал к третьей ветви рода, восходящей к Семёну Бартеневу, получившему при Иване Грозном в поместье деревню Медведки (ныне в составе Сусанинского района). В начале XIX в. здесь, в своём родовом гнезде, Семён Андреевич построил усадебный комплекс, частично сохранившийся до нашего времени (*Памятники*, вып. 10, с. 305–309). Что же касается пожалованного ему звания секунд-майора, то это был низший обер-офицерский чин (VIII класс Табели о рангах), в 1798 г. заменённый званием майора. Обращаться к обер-офицерам следовало словами «Ваше Высокоблагородие», что мы и видим в тексте на нижней крышке переплёта. Следовательно, не может быть сомнений в том, что именно к С.А. Бартеневу было обращено письмо старосты деревни Маврино. Но когда именно ему был пожаловано звание секунд-майора? В «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» датой получения этого чина назван 1766 г., что явно ошибочно, ибо согласно тому же источнику Семён Андреевич родился два года спустя. Между тем, его отец Андрей Васильевич Бартенев дослужился лишь до подпоручика (XIII класс Табели о рангах), а это заставляет предполагать, что карьерный путь Семёна Андреевича не мог быть быстрым. А так как звание секунд-майора было отменено в 1798 г., когда С.А. Бартеневу было 30–32 года, то, вероятнее всего, этот чин достался ему незадолго до этого времени. Таким образом, использованную для создания переплёта бумагу следует датировать периодом между серединой 1790-х годов и 1832 г., когда Сергей Александрович умер.

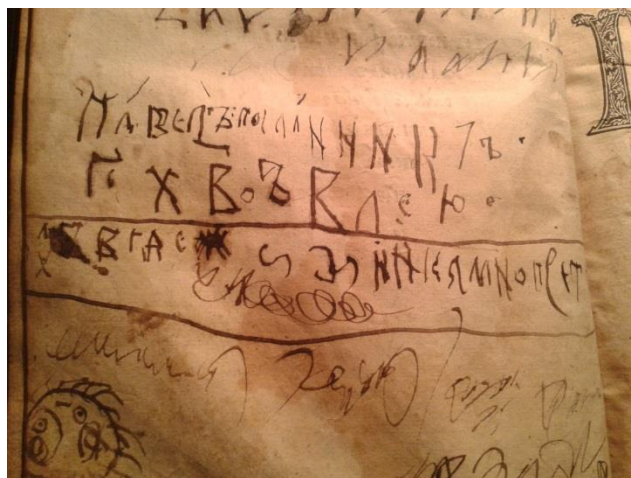
Появление у книги нового переплёта могло быть связано с актом её вложения в церковь. Интересно соотнести подобную гипотезу с записью на л. 304 об.: «сия книга повелѣния Б<о>жія (!) Ап<о>ст<о>ль ц<е>ркви Николая Чюдотворца села Вичуги а приложилъ сию книгу приказной ч<е>сл<о>в<е>къ Василеи Иванов Козловскаг». Храм св. Николая Чудотворца появился в Вичуге (ныне Старая Вичуга) в 1801 г. тцанием камергера действительного статского советника Сергея Павловича Татищева (*Баже-*

нов, с. 401–402), брата известного дипломата александровской эпохи Дмитрия Татищева и двоюродного племянника княгини Дашковой. Одновременно в селе появился усадебный дом, который, в отличие от уничтоженной в советское время церкви, сохранился до настоящего времени (Свод, ч. 2, с. 162–165). Заманчиво связать вложение книги и установку нового переплёта с освящением церкви в 1801 г. Характер бумаги обклейки, как и довольно архаичный почерк вкладной записи также свидетельствуют в пользу рубежа XVIII–XIX вв. Так как детские рисунки были сделаны до установки переплёта, то всё вышесказанное подтверждает их датировку временем до 1780-х годов.

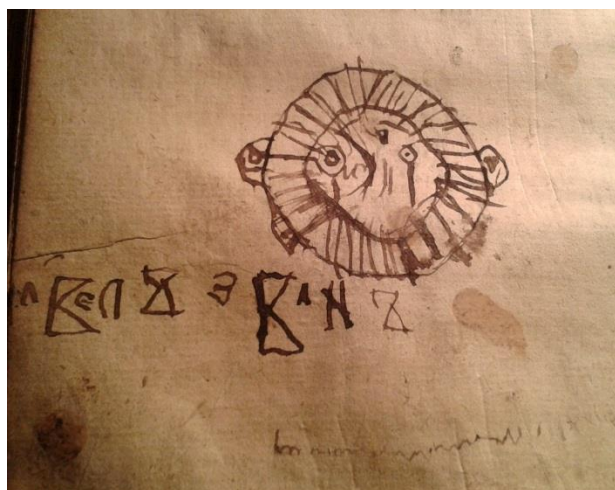

Что ещё можно сказать о безымянном мальчугане, оставившем эти рисунки? Судя по тому, что ряд записей представляет собой цитаты из Апостола и Псалтыри, обучался он грамоте по богослужебным книгам. В этом плане особый интерес представляет приведенный на л. 225 об. список букв алфавита: «А Б В Г Д Е Ж С З И И К Л М Н О П Р С Т И У [Ф] Х». В нём в глаза бросаются две явные ошибки: во-первых, после «иже» вместо ожидаемого «І» идёт второе «иже»; во-вторых, ещё одно «иже» неожиданно появляется между буквами «твёрдо» и «ук». Как кажется, оба случая можно объяснить из древнерусской практики обучения грамоте. Она состояла в последовательном повторении названий букв и образуемых ими слогов («складов»). Однако названия букв в такой системе не

всегда совпадали с азбучными: «і» регулярно обозначалось как «иже», а «Ѹ» как «ик» (Успенский, с. 86, 93).

Это объясняет появление в записи букв «иже» на месте «і» и перед «ук» (в последнем случае ребёнок, возможно, хотел изобразить диграф «оу», но перепутал «о» с «и» в силу упомянутого особого произношения сей буквы при чтении по складам). В начале XIX в. древнерусская практика обучения грамоте ушла в прошлое, сохранившись лишь в старообрядческой среде. Что касается рисунков, то некоторые из них (л. 127, 127 об., 152 об.) живо напоминают бородатые лики святых с нимбами, что также говорит в пользу принадлежности их создателя к традиционной культуре, знавшей живопись преимущественно в форме иконописи.

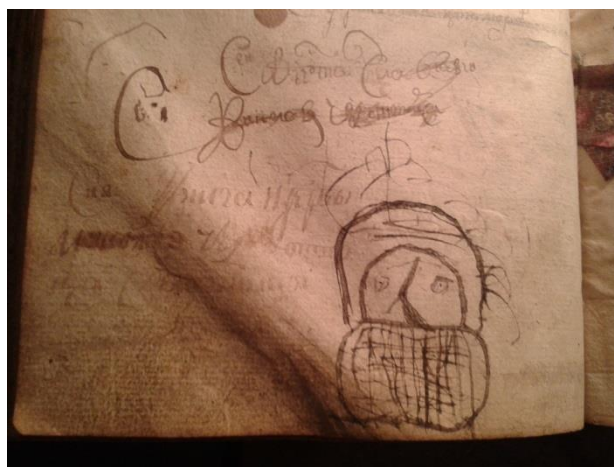
Теперь попытаемся хотя бы предположительно определить социальную и географическую среду обитания нашего героя. В этом нам может помочь уже упоминавшаяся вкладная записи на л. 304 об. Из неё следует, что в Вичуге «Апостол» появился благодаря Василию Ивано-

ву, который был приказчиком некоего Козловского. Последний, очевидно, был представителем той ветви этого восходящего к Рюрику княжеского рода, которая относилась к костромскому дворянству. Поместье сих Козловских Борщевка, полученное их предками в 1620 г. за ратные подвиги в Смутное время, находилось всего лишь в 15 верстах от Вичуги. Расцвет имения пришёлся на вторую треть XVIII в., когда усилиями Ивана Борисовича Козловского здесь появились усадебный дом и Владимирская церковь, частично сохранившиеся до наших дней (*Свод, ч. 2, с. 150–153*). На рубеже XVIII–XIX вв., т.е. на момент вероятного появления «Апостола» в Вичуге, владельцем Борщевки, видимо, был его внук Дмитрий Николаевич (1764–1819 (?)).

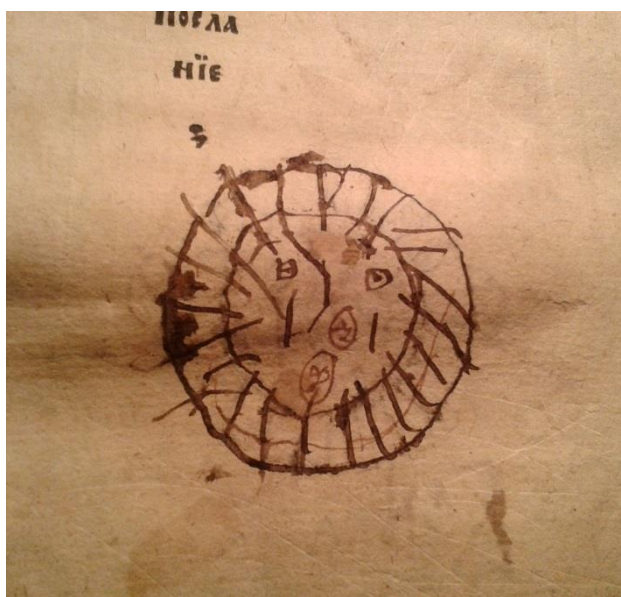
Он известен во многом благодаря своим родственным связям (см. *Ferrand*). Так, его племянниками были декабристы М.А. фон Менгден и братья Колошины. Ещё более известен сын его двоюродного брата Пётр Борисович Козловский (1783–1840), который, будучи человеком просвещённым, а к тому же и дипломатом, был знаком со многими выдающимися деятелями своей эпохи. Он оставил, в частности, несколько научно-популярных статей в пушкинском «Современнике» и нещадно обличающее крепостнический строй сочинение «Опыт истории России» (см. *Френкель*). Сам Дмитрий Николаевич вошёл в историю благодаря любовной связи с собственной крепостной Прасковьей Трофимовной (род. 1779), женой княжеского псаря Николки. Она родила князю нескольких детей, и, когда старшему было 18 лет, Д.Н. Козловский сделал её своей законной супругой. После смерти Дмитрия Николаевича Прасковья Тро-

фимовна была вынуждена отправиться в Москву по делу заложенного мужем имения (*Бочков, с. 22; Федоров, с. 20*). Там она стала крёстной матерью самого Ф.М. Достоевского (*Летопись, с. 14*). Предполагают, что история княгини-крестьянки могла отразиться в таких произведениях писателя как «Дядюшкин сон» (где в князе К. угадываются черты Д.Н. Козловского) и «Подросток» (*Федоров, с. 20*). С семьёй Достоевских был связан и сын Прасковьи Трофимовны Александр Дмитриевич Козловский, первый местный краевед и этнограф, автор высоко оценённого М.П. Погодиным труда «Взгляд на историю Костромы». В 1829 г. он стал крёстным отцом сестёр Ф.М. Достоевского Веры и Любы (*Федоров, с. 20*). Кроме того, он тоже, как и отец, женился (во втором браке) на крепостной Пелагее Ивановой (*Горбунов & Любичев, с. 104–105*), в которой при желании можно увидеть родственницу приказчика Василия Иванова, вложившего «Апостол» в вичугскую церковь. Другой сын Прасковьи Трофимовны Иван Дмитриевич (1811–1867) был близким знакомым А.С. Пушкина и однажды даже уберёт поэта от дуэли с В.А. Соллогубом, сыграв вместе с П.В. Нащокиным (между прочим, троюродным братом Д.Н. Козловского) решающую роль в примирении сторон. Уже после гибели А.С. Пушкина Иван Дмитриевич женился на его троюродной сестре Марии Александровне, тем самым породнившись с другом своей юности. В конце жизни И.Д. Козловский возглавлял Марининский детский приют, чьё незатейливое здание до сих пор можно видеть в центре Костромы (*Бочков, с. 22*). Но довольно о князьях Козловских, вернёмся к «Апостолу» 1621 г.

Так как книга поступила от приказчика усадьбы Борщевка, можно предполагать, что и автор рисунков на её страницах мог происхо-

дить из того же села. Возможно, его отец был дворовым Козловских, а может быть, священником или псаломщиком построенного в 1744 г. Владимирского храма. Если это так, то время создания рисунков попадает в интервал между освящением церкви и началом 1780-х годов. Однако мы вступили на слишком скользкий путь предположений и гипотез. Главный вывод, напрашивающийся сам собой в результате тщательного анализа вичугского «Апостола» 1621 г., заключается в неразрывной связи этой книги с историей Костромского края. И в этом её непреходящая ценность.

Литература

Баженов – Баженов И.В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911.

Беляев – Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863.

Бочков – Бочков В. Современник Пушкина // Литературная Россия. 1979. 23 ноября. № 47.

Горбунов & Любичев – Горбунов С.В., Любичев Ю.С. Вичуга: историко-краеведческий очерк. Ярославль, 1986.

Клепиков – Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.

Летопись – Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. I. 1821–1864. СПб., 1999.

Памятники, вып. 10 – Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 10: Буйский район, Сусанинский район. Кострома, 2008.

Руммель & Голубцов – Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886.

Сведения – Сведения о помещичьих имениях. Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. IV. СПб., 1860.

Свод, ч. 2 – Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. Ч. 2. М., 2000.

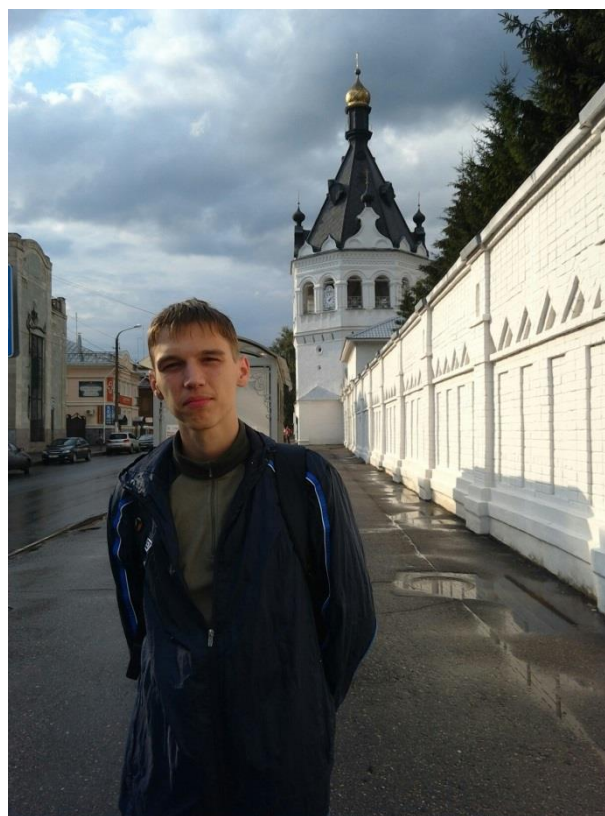
Успенский – Успенский Б.А. Старинная система чтения по складам // Вопросы языкознания. М., 1970. № 5.

Федоров – Федоров Г. Достоевский и семья Козловских // Литературная Россия. 1980. 25 апреля. № 17.

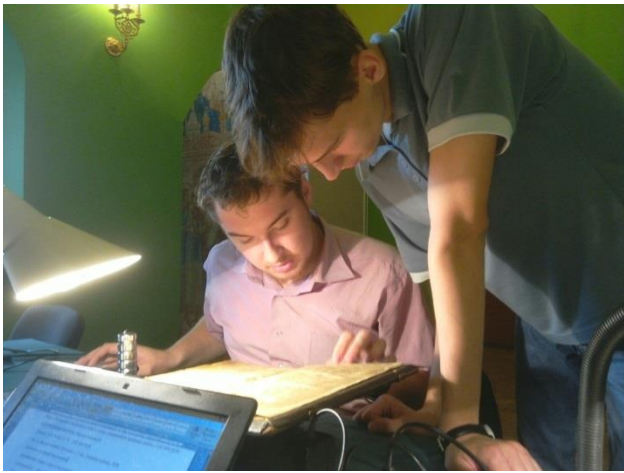
Френкель – Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский. Л., 1978.

Шереметевский – Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т. I. М., 1914.

Ferrand – Ferrand J. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. Paris, 1979. Vol. 1.

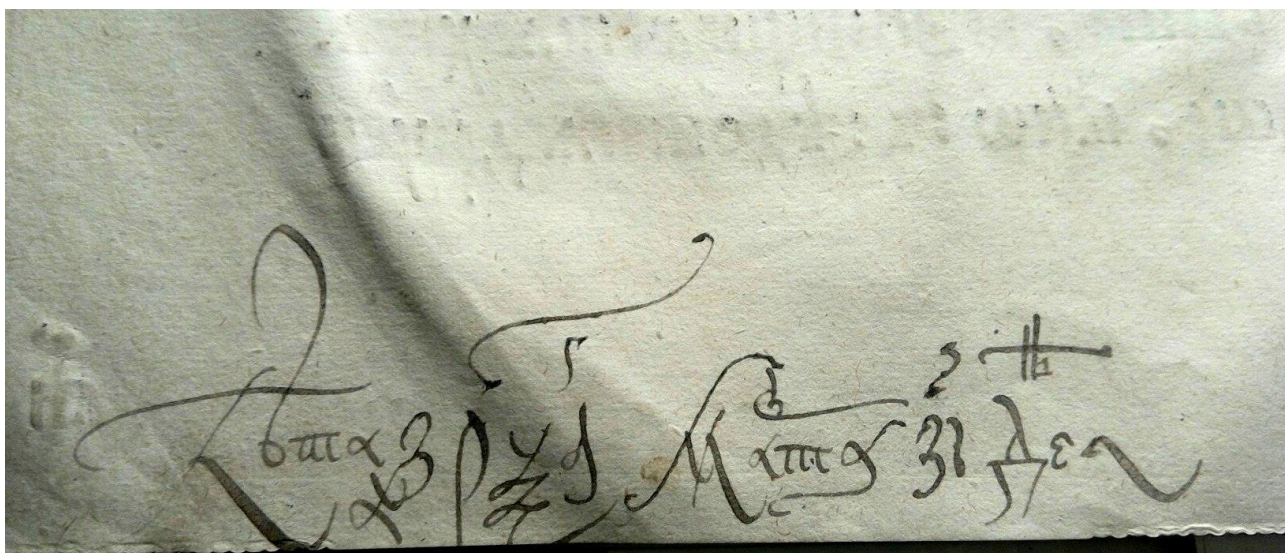

Кузьма Жильцов, 4 курс

Евангелие, 1651 г.

«Лета 7161 (1653) марта 17 день...»

Фотографии Н. Домрачева, К. Жильцова и И. Пузырева

Подготовка номера, верстка Н.В. Литвиной

Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова— archlab@mail.ru